

Ивановича, ведь преподавателям работать, а студентам получать знания надо в комфортных условиях. На столе у меня уже лежал список дел на день. Я всегда удивлялась, как такое огромное количество вопросов можно решить за один день. Встречи, звонки, прием посетителей – всё это только малая часть списка. Была ещё одна очень важная составляющая его работы – это научная деятельность – то, ради чего он был избран ректором. Семинары, конференции, научные исследования – это далеко не полный перечень дел, которые выполнялись ежедневно.

После решения хозяйственных проблем приёмная наполнялась посетителями: работа шла по намеченному графику, но многие приходили и с незапланированными вопросами. На мой взгляд, некоторые вопросы не являлись настолько важными, чтобы решаться на уровне ректора, но, когда я говорила об этом, Михаил Иванович неизменно отвечал, что для него не бывает неважных и второстепенных дел. Рабочий день подходил к концу, а поток посетителей не уменьшался – это были преподаватели, аспиранты и рядовые сотрудники института. Михаил Иванович никого не оставлял без внимания. Да, это был человек дела – активный, стремительный, напористый. Скольким людям он дал путевку в жизнь, сколько дел воплотил, наполнив их своей кипучей энергией.

Я старалась не выбиваться из заданного темпа работы. Целый день обзванивала, соединяла, приглашала на встречу, выполняла поручения, но при этом всегда старалась найти возможность, чтобы оказать маленькие знаки внимания своему начальнику: приготовить чай или заварить кофе. Особенно он любил приготовленный мною кофе с пенкой и всегда это подчеркивал.

Институт опустел, трудовой день подошел к концу, но ещё горит окно в кабинете ректора: там зарождаются новые идеи и замыслы, там видят будущее вуза, там строятся грандиозные планы...

С.И. Шевченко, секретарь ректора (*ХГУИП, Харьков*)

У БОГА ВСЕ ЖИВЫ

Жизненно-опытное слово Михаила Ивановича Беляева с его «научного аэродрома» до сих пор трогает и поучает. Он собирал на своде своего ума многие поразительные находки. Полет его научных идей был одновременно и широкоохватен, и «вписывался в прикладную конкретику». Со временем глубина их проявляется все очевиднее. Крылья его научной мысли не замерли в далекой

Монголии. Его интеллектуальный кислород до сих пор питает продолжателей «научной жатвы». А насыщаться им или голодать - это выбор каждого. Не было уравниловки способностей, когда у одних он смирял гордыню, а другим давал шанс «подтянуться». Эта натруженная наукой рука могла и «поставить на место», и взять часть тяжелой ноши на себя. Всегда он мог подобрать свой ключик к каждому замочку. Сколько же было «входов» в его сердце для со-работников. Не смотря на жесткие требования научного мира, многие рядом чувствовали простор для «своей мыслишки». Это начинает подтверждаться опытом прошедших лет. Он не истощался от множества привязанностей к аспирантам. У него как бы и не было, как сейчас называют «эмоционального выгорания».

Пишущий не был со-таинником «его двора», но получал внутреннюю «растопку» и старался сохранить хотя бы частички того не внешне ощутимого тепла, и передать окружающим по примеру учителя. И доныне в этом пространстве души памяти о его душе нетесно. Не обойдем вниманием и красоту его организаторской энергии. Высота его положения способствовала очевидной результативности, при этом он сохранял умеренность «слуха для медных труб». Эта высота не удаляла от себя, а свидетельствовала о созидательном образе жизни. Да не лишним оказался и резец требований мастера, очищающий от всего бесполезного. Вот так он освобождал лишнее и наполнял нужностями. Под «присмотром» безгласной мудрости житейской наше изначальное т.н. «дичание» для науки со временем «о-культуривалось». Иногда у него жесткий закон «надо» сменялся на милость не в ущерб делу. Он старался не позволять времени «убегать», находясь в повышенной активности. Уравновешивал то и другое. Даже, если кто «бунтовал» против него, тогда тот оказывался «не добирающим» до его уровня. В общем, явно не проявлялась, с его стороны, непростительная неучтивость либо примитивный «репрессанс».

Невозможно в этом написании вместить множество проявлений Михаила Ивановича. И сейчас мы можем сравниться с ним только равенством биологического возраста. Внутренне он не ожидал более всего только от себя.

Через его мать пробуждались зачатки веры в Бога, начинала находиться с-родная точка опоры в Нем. Может, Господь даст ему зачатки приближения к Вечности? Может, он станет приятен Богу, как и людям. Надеемся, что уже их чета с Лидией Михайловной начинает «вживаться» в семью Небесную.

Не будем «поливать» колочки воспоминаний о резких его реакциях на нашу нерадивость. Не поздно вернуть ему букет высоких слов для создателя научной школы и академии добра, продолжая

хорошее, не предавая и себя своей собственной жизнью. Хоть и закончилось для него зрелище земной жизни, зато там, для его души, предметы имеют истинный вид: отброшена обманчивая внешность неких, их мнимые лица. К смерти тела и рождению: души для Будущего он подошел не в бес-печности. Наша крепкая добра?: память о нем как бы луч оттуда (где его душа), который дает Знающий Своих.

Сейчас мы по-новому «видим» черные контуры неприятностей, шероховатостей, которые передают его картине жизни больше светлости и ясности оттенков. Они необходимы для сплетения чудных кружев судьбы, неповторимого человека. Так уход из жизни этой, как бы «витаминизирует» и нас для жизни той (для души). Даже через время соглядая его дела, мы можем проходить и наш «курс душевной психотерапии» переключая наполнение с формы на содержание интересы легковесные на основательные.

Последователи его проходят тест на культивирование к примеру такой обогащенной жизни. Высота его добрых дел не «обозначена» внешними знаками (мемориальными досками и пр.). Псалмопевец Давид и для нас давно сказал, присвоив Вечность: «гробы их жилища во век... нарекоша имена своя на землях» (см. Пс. 48.12).

А.Н. Быков, канд. техн. наук, доц. (*Харків*)

БЕЛЯЕВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ – СОВЕРШЕННЫЙ УЧИТЕЛЬ

Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам. Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он совершенный учитель.

Л.Н. Толстой

Совершенный учитель – эти слова очень точно характеризуют Михаила Ивановича. Любовь к делу, любовь к своим ученикам – на первом месте. Особое отношение к ученикам как к собственным детям. Педагог творческий, эрудированный, прекрасный инженер – технолог, он старался своим ученикам передать свои знания и опыт.

Михаила Ивановича всегда отличала нереальная трудоспособность. Такая феноменальная трудоспособность заключалась в невероятной увлеченности делом, которым он занимался со своими учениками. Любая проблема, которая была решаемой, им блистательно разрешалась. Учеников он заряжал